

2001.01.009. РУССКИЙ ЯЗЫК КОНЦА XX СТОЛЕТИЯ (1985-1995) / Воронцова В.Л., Гловинская М.Я., Голанова Е.И. и др.; Отв. ред. Земская Е.А.; Ин-т рус. яз. РАН. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 477 с.

Монография состоит из введения двух частей (12 глав). Первая часть охватывает семантические изменения в лексике и лексической сочетаемости, в грамматике и словообразовании, в области ударения. Во второй части описываются современные тенденции и характерные явления в устной и письменной коммуникации: анализируются типичные городские коммуникативные ситуации – митинги, диалоги на улице, в магазине, на транспорте и др., стилистические особенности прессы, публичных выступлений.

Во введении Е.А. Земская формулирует исходные положения и задачи исследования. Подчеркивается, что “современный русский язык живет интенсивно, все механизмы его действуют сверхактивно. Понять и изучить процессы, идущие в современном языке, важная задача... Наша цель – охарактеризовать современное состояние русского языка, увидеть то новое, что отличает этот этап его развития, попытаться установить связи между внутренними закономерностями развития языка и теми импульсами, которые идут от реальной жизни, от современного периода существования общества” (с.18).

В главе первой “Семантические процессы в лексике” (О.П. Ермакова) указывается, что “сейчас чаще можно говорить о процессах, о движении в семантике и не всегда о явных результатах. В настоящее время в русском языке изменения происходят почти также стремительно, как и в политике. Много смешалось, перегруппировалось, размылось, но еще не вполне определилось. Возможно, что некоторые (или многие) наблюдаемые сейчас явления в области значений слов окажутся недолговечными, не закрепятся в качестве нормы, но и в этом случае зафиксировать их на определенном этапе развития языка интересно и важно, поскольку каждый этап в развитии языка заслуживает внимания и изучения” (с. 33).

Перечислены основные семантические изменения в лексике, связанные с изменениями в общественно-политической жизни: 1. Деактуализация значений, отражающих советские реалии (ср. архаизацию типично “совковых” значений у слов *невыездной*, *установка*, *соревноваться*, *характеристика* и т.п.). 2. Деидеологизация лексики (ср. снятие пейоративной окраски у слов *советолог*, *собственник*, *коммерсант* и др.). 3. Политизация некоторых групп

лексики (ср. *диалог, застой, перестройка* и т.п.). 4. Деполитизация некоторых политических терминов (ср. *приватизация, консенсус* и т.п.) в обыденном употреблении. 5. Активизация некоторых семантических моделей, выражающих оценку личности как общественного явления (ср., например, превращение некоторых собственных имен в нарицательные в форме множественного числа: *Здесь не принято драться кулаками, Брюсы Ли и Ван-даммы тут не котируются* и некоторые другие изменения в лексической семантике.

Во второй главе “Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет)” Е.В. Кокорина обращает внимание на такие особенности употребления лексики в современных газетных текстах, как использование историзмов и архаизмов для номинации новых реалий современной жизни (*дума, губернатор, гимназия*), использование высокой книжной лексики (*держава*), конфессиональной лексики (*догма, реликвия, исповедь*) и др. Кроме того, исследуются особенности употребления жаргонной лексики (*беспредел, фанат, тусовка*).

В главе третьей “Активные процессы современного словопроизводства” (Е.А. Земская) показано, что в современном словопроизводстве обнаруживаются те же черты, которые характерны для современного языка в целом: рост личностного начала, высокая роль оценочных и количественных значений, активное перемещение в центральные сферы коммуникации явлений окраинных, периферийных (сниженной лексики разного рода – разговорной, просторечной, жаргонной и т.п.). Отмечается, что свобода от разного рода ограничений, разрушение советских стереотипов мышления способствуют раскрепощению языка, активизации индивидуального словообразования, расцвету неустойчивого словообразования не только в языке художественной литературы и разговорной речи, но и в языке газет, любых средств массовой информации, устной публичной речи. При этом окказионализмы выполняют в речи и экспрессивную, и номинативную функции.

Особую активность в качестве базовых основ словопроизводства обнаруживают так называемые ключевые слова эпохи (имена собственные наших современников и имена нарицательные). Процессы реальной действительности, требуя новых наименований, активизируют определенные звенья словообразовательной системы. Наиболее социально ориентировано отсубстантивное производство

существительных. Высокую продуктивность обнаруживает именная префиксация. Активизируются те префиксы, которые передают социально и культурно значимую семантику: временные отношения (*пост-*, *после-*), отношения уничтожения, отрицания, противодействия (*де-*, *анти-*, *контр-*), отношения поддержки (*про-*), отношения неистинности, ложности (*псевдо-*, *лже-*, *квази-*), отношения интенсификации, высокой степени (*супер-*, *сверх-*) и др.

В фонд экспрессивных средств вовлекается аббревиация. Особенно это характерно для языка массовой коммуникации, газет, для живой разговорной речи, жаргонов. При этом ярко обнаруживается связь словообразования с лексикой. Сближение (совпадение) с обычным словом придает аббревиатуре дополнительные коннотации, порождает каламбур. Второй и третий по численности разряд новообразований составляют прилагательные и глаголы. Подчеркивается, что обилие новообразований в языке нашего времени вовсе не свидетельствует о порче или даже гибели языка, как считают некоторые исследователи.

Л.П. Крысин в четвертой главе “Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни” рассматривает: а) условия, благоприятствующие вхождению иноязычного лексического элемента в общий оборот; б) причины, по которым то или иное слово либо сохраняется в языке-реципиенте, либо, после некоторого периода активности, уходит на периферию языкового употребления; в) особенности функционирования иноязычной лексики в современной письменной (преимущественно – газетно-публицистической) и устно-разговорной речи.

Первое впечатление от обследованного материала – перенасыщенность современной русской речи иноязычными словами. “На самом деле надо говорить об известной распространенности иноязычных слов” (с. 158). В наибольшей степени ими насыщены газетные и журнальные тексты. В устной публичной речи использование иноязычных слов-неологизмов чаще, чем в письменных текстах, сопровождается оговорками типа *так называемый*, *как теперь модно говорить* и т.п. В наименьшей степени подобные лексемы характерны для обиходной речи. Подчеркиваются различия в отношении к словам подобного типа, особенно новым, что зависит от возраста говорящих, уровня образования, рода профессиональных занятий: 1) с возрастом уменьшается терпимое отношение к заимствованиям; 2) с повышением уровня образования речевая адаптация новых заимствований происходит

легче; 3) представители гуманитарных профессий, в целом, более терпимы к иноязычной лексике, чем люди, профессионально не связанные с языком, с культурой, однако здесь возможно и более сложное отношение к заимствованиям: профессионал может не замечать иноязычности терминов, обслуживающих его собственную специальность, и негативно реагировать на иноязычную терминологию в других сферах деятельности и общения” (с. 159).

В главе пятой “Современная экономическая терминология (Состав. Устройство. Функционирование)” М.В. Китайгородская описывает социальные факторы языковых изменений в сфере современной экономической терминологии, источники ее формирования, способы номинации, актуальные в сфере экономической терминологии, системную организацию экономической лексики, сферы функционирования экономической лексики (массовая коммуникация, устная речь, мемуарная литература, художественная литература).

В предварительных замечаниях к шестой главе “Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок)” М.Я. Гловинская как на характерные особенности современного языкового развития указывает на приобщение к публичной речи новых социальных слоев, не владеющих в полной мере нормами литературного языка, на возникновение спонтанного политического дискурса, на исчезновение жесткой цензуры и редактур. Следствием этого является ослабление твердых языковых норм в двух направлениях: 1) активизировалось влияние норм определенных типов речи друг на друга. Например, официально-деловая речь подверглась значительному воздействию норм бытовой разговорной речи и жаргонов. И наоборот, вследствие возросшей политизированности населения усилилось проникновение элементов официально-деловой речи в разговорную; 2) появилось огромное количество нарушений языковых правил, возникли массовые языковые ошибки.

На основе исследования многочисленных языковых инноваций и ошибок автор выявляет две достаточно общие тенденции развития языковой системы: 1. Ослабление падежных функций, проявляющееся в росте аналитических способов передачи падежных значений (замена падежного управления предложным: ср. *стратегия об уничтожении, анализировать об этом*), в использовании неизменяемых форм слова в ущерб косвенным падежам, в неправильном выборе падежа (у существительных и у согласовательных категорий) и в неправильном

выборе флексии. Эта тенденция согласуется с более общей, универсальной для индоевропейских языков тенденцией к утрате падежных флексии. 2. Расшатывание синтаксических правил, не мотивированных семантически. Оно проявляется в нарушении некоторых ограничений, связанных с субъектом действия. В частности, нарушается правило кореферентности субъекта-подлежащего и (невыраженного) субъекта различных оборотов – деепричастного, инфинитивного, субъектно-наречного, предложно-именного, союзно-присоединительного. Нарушаются также правила, запрещающие выбор возвратного притяжательного местоимения *свой* вместо личного в некоторых конструкциях.

В.Л. Воронцова в седьмой главе “Активные процессы в области ударения” отмечает массовый характер распространения ошибочных с точки зрения литературной нормы, ударений и предпринимает попытку выявить характерные для современного русского языка тенденции. Рассмотренный материал показывает, что в области ударения в языке 80 — 90-х годов шли активные процессы, которые касались различных разрядов слов. Однако эти процессы не представляют кардинально новых явлений, способных в какой-то степени повлиять на сложившуюся акцентную систему. Наблюдаемые процессы обусловлены действием давно сложившихся и известных длительное время тенденций. Новым является более широкий охват этими тенденциями различных категорий и групп слов, активность этих тенденций. “Новые условия языкового бытования, свойственные языку изучаемого периода, приводят к большему ослаблению границ между языковыми сферами. Профессиональная речь, речь разговорная оказывают более значительное влияние на публичную речь, речь официально-деловую. Сюда в большей мере, чем прежде, проникают акцентные варианты, не свойственные строгим литературным сферам языка, в силу чего литературные нормы оказываются поколебленными в среде литературно говорящих людей. В настоящий момент актуальной является задача сдерживать негативные с точки зрения литературной нормы процессы, защитить литературные нормы” (с. 324).

Глава восьмая “Рост аналитизма в морфологии” (Н.Е. Ильина) посвящена исследованию трансформаций в Функционировании имен существительных – названий людей по профессии и географических названий. Тенденция к аналитизму, отмеченная в более ранние периоды, упрочивает свои позиции в последние 15 лет. Особенно это характерно

для сочетания типа *врач пришла, экскурсовод рассказывала, наша директор, хорошая бухгалтер*, где род существительного выражен флексией сказуемого или определения – прилагательного или местоимения. Другое проявление аналитизма в современном русском языке средств массовой информации усматривается в несклоняемости имен существительных-топонимов на *-ово, -ино* (*Тушино, Голицино*). В настоящее время в языке газет преобладают словосочетания подобные *диктор из Останкино, побывать в Бородино*. Массовость такого рода сочетаний стирает “различия письменной и устной речи, жанровое своеобразие и стилистические нюансы” (с. 333).

Особые разделы посвящены употреблению словоформ *саму – самоё*, а также функционированию глаголов. Здесь изменения последнего времени затронули в основном состав глагольной основы: отмечается тенденция к преодолению вариативности морфем, особенно корневых.

М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова в девятой главе “Современная городская коммуникация: тенденции развития (на материале языка Москвы)” отмечают, что “происходящие в последние годы радикальные политические и социально-экономические преобразования заметно повлияли на структуру и характер городской коммуникации. Существенные изменения наблюдаются в функционировании типичных жанров городского речи — стереотипов и микродиалогов. Возрождаются жанры городского фольклора (устная реклама, зазывы, острословицы и др.). Появились новые коммуникативные сферы – в частности, народные митинги. ...для современного города характерно расширение сферы контактов между незнакомыми людьми” (с. 345).

В качестве общих тенденции в развитии характера современной городской коммуникации отмечают: а) усиление диалогизации устного городского общения; б) усиление личностного начала; в) возрождение карнавальной стихии в жизни города. В качестве приложения в данной главе приводятся два блока текстов, отражающих социально обусловленные изменения в языке города.

Весьма информативная и “смелая” (в социо-лингвистическом смысле) десятая глава “Эвфемизмы в современной русской речи”, написанная Л.П. Крысиным содержит “предупреждение читателя о том, с какого рода лексическим материалом ему придется столкнуться при чтении этой главы, и одновременно извинением перед ним, если при

знакомстве с этим материалом он ощутит некий нравственный дискомфорт” (с. 384). Дело в том, что при исследовании заявленной темы ученый обречен не только использовать эвфемистические выражения, но и привлекать к анализу тот социально-культурный и языковой фон, на котором возникает нужда в эвфемизмах. “Для полноты картины приходится упоминать такие реалии и такую лексику, которые обычно находятся вне поля внимания языковедов. Как у носителя литературного языка и простого человека, следующего определенным культурным нормам, это и у самого исследователя может вызвать внутреннее неприятие и протест, однако в качестве беспристрастного наблюдателя, фиксирующего все, что происходит в языке, он обязан изучать и такого рода “неприятные” факты” (с. 384).

Рассматриваются две противонаправленные тенденции в современной русской речи: к огрублению речи и к ее эвфемизации. “На лексическом уровне огрубление выражается... в увеличении употребительности грубо-просторечных и жаргонных слов и выражении типа *сука, сволочь, падло* и под., *отмазаться, вешать лапшу на уши...*, причем не только в устно-бытовой сфере, но и в некоторых жанрах письменной и публичной речи, в радио- и телепублицистике” (с. 384). Подобное словоупотребление характерно теперь и для художественной и “полухудожественной” литературы (ср., например, прозу Юза Алешковского, Венедикта Ерофеева, Э. Лимонова), телефильмов, телепередач и художественных фильмов, газетных и журнальных статей. Одним словом непечатное слово стало печатным. Отмечается стирание различий в употреблении непечатного лексикона по полу и возрасту, что в целом связывается с повышением уровня агрессивности в поведении людей, с общими деструктивными явлениями в области культуры и нравственности.

В определенной степени противоположным является процесс эвфемизации речи. Определяя эвфемизм как “способ непрямого, перифрастического и смягчающего обозначения предмета, свойства или действия” (с. 388), автор перечисляет темы и сферы эвфемизации: а) некоторые физиологические процессы и состояния; ср.: *недомогание, критические дни* (о менструации); б) определенные части тела, связанные с “телесным низом”; объекты этого рода таковы, что и не прямое, эвфемистическое их обозначение в бытовой речи воспринимается большинством как не вполне приличное – ср., например, просторечные и жаргонные обозначения мужского члена:

конец, палка, инструмент, аппарат прибор, колбаса, балда, вафля, банан и мн. др. или женского влагалища: *дырка, скважина, лоханка, лохмушка, мочалка, копилка* и мн. др. (с. 389-390); в отношении между полами; ср.: *находиться в близких (интимных) отношениях (связи), встречаться, дружить* и т.п.; г) болезнь и смерть: *совсем плохая* (о безнадежно больной), *ушел от нас, его не стало* (вместо умер) и под.

Особое место отводится эвфемизмам в социальной сфере деятельности человека, используемым с разной целью: 1) стремление избежать коммуникативных неудач и конфликтов: *заслуженный отдых* (пенсия); 2) вуалирование, камуфляж существа дела: *спецконтингент* (заключенные), *физическое устранение* (убийство), *либерализация* (освобождение, упорядочение) *цен* (повышение цен); и др. Дается описание сфер жизни, в которых используются эвфемизмы (дипломатия, репрессивные действия власти, государственные и военные тайны, сфера распределения и обслуживания, отношения между различными национальными и социальными группами, некоторые виды профессии), а также социальных различий между говорящими, использующими эвфемизмы.

В десятой главе “Стилистический облик оппозиционной прессы” Е.В. Какорина анализирует язык недемократических, “оппозиционных” изданий, противопоставляющих себя официальной прессе и легитимной власти: “День” (“Завтра”), “Молния”, “Наше время”, “Советская Россия” и т.п. за 1991-1995 гг. “Данные издания образуют достаточно целостную и специфическую в языковом отношении группу газет. Объединяющее их звено – активное неприятие и критика современного пути развития России, описывающегося в ключевых терминах *т.н. демократия, дикий капитализм, хищная буржуазия, оккупация, перевертыши* и др.” (с. 409). Для этих изданий характерно “преобладание интерпретации над фактом (функции речевого воздействия над информированием)” (с. 410). Здесь создаются специальные жанровые формы для представления неактуальной оценочной эрзац-информации, а также широко используются художественно-публицистические и фольклорные жанры: анекдоты, афоризмы, лозунги, “абсурдные рассказы”, пародии, памфлеты и стихи, их спецификой является особым тип интенции – сарказм, в отличие от иронии, преобладающей в демпрессе.

“Возникновение оппозиционной прессы связано с введением в политический дискурс таких принципов его развертывания (построения), как антиэтикет, антиэстетика и контрастивная полисемия” (с. 412).

Рассматриваются коммуникативно-речевые особенности текстов оппозиционной прессы с точки зрения теории речевых актов. Выявляются основные типы речевых актов (сообщения и экспрессивы, интерпретирующие речевые акты), характер речевых актов (категорическое требование, проклятие, побуждения, декларативы и вердикты). Автор приходит к выводу: “1) демократическая пресса: преобладают сообщения и оценочные речевые акты, речевые действия отсутствуют; 2) оппозиционная пресса: в соотношении “сообщения – оценочные речевые акты — речевые действия” типологически выделены оценочные речевые акты и речевые действия” (с. 417).

В заключительной двенадцатой главе “Устный публичный диалог: жанр интервью” Е.И. Голанова показывает, что “интервью как один из самых распространенных типов устного публичного диалога дает возможность увидеть и зафиксировать новые тенденции устной публичной речи. Тексты современного интервью отражают значительные изменения в языковых вкусах и речевом поведении нашего современника” (с. 442).

А.М.Кузнецов